

Учительство и общественно-политическое движение России в 1917 г

Вовлечение различных слоев населения в революционные события 1917 г. нашло достаточное отражение в отечественной историографии. Тем не менее, представляется необходимым уточнить ряд сложившихся стереотипов, осмыслить факты, мимо которых по тем или иным соображениям довольно часто проходили исследователи.

Бесспорно, февраль 1917 г. расколол российское общество, вызвал к жизни две противоборствующие силы: революционные и контрреволюционные. К первым принято относить подавляющую часть рабочих и крестьян, ко вторым - основную массу тех, кого именовали буржуазными и мелкобуржуазными слоями. Учительство принадлежало к последним.

Характеризуя умонастроения этого отряда интеллигенции, как правило, отмечалось, что в большинстве своем учителя оказались по правую сторону баррикад, решительно воспротивились слову старой государственной системы, строительству нового, социалистического общества. Упрощенческий характер оценки действий учителей в 1917 г. неизбежно вел к тому, что его общественно-политические устремления оказывались антинародными по сути. Вредность большинства организаций и объединений, созданных либо восстановленных российскими педагогами после свержения самодержавия, подчеркивается и в вышедших в последние годы энциклопедиях истории Октябрьской революции и гражданской войны¹.

Справедливости ради отметим, что в монографических исследованиях и научных статьях было принято в весьма одобрительном аспекте отзываться об учителях, состоявших членами или сочувствовавших партии большевиков. Именно они автоматически несли в себе заряд подлинной революционности и сознания того, что являлось благом для необразован-

¹См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 104.

ного населения. Однако таких было сравнительно немного. Едва ли 2-3 % от общего числа педагогов состояли членами тех или иных политических партий. В сознании остальных находилось место идеям кадетов и октябристов, социал-демократов и неонародников, других политических течений, причем в самых разных сочетаниях. Доминировал социально-политический конформизм. Даже ощущая признаки грядущего переворота, справедливо отмечает исследователь, учительство, как и вся российская интеллигенция, не осознавала его истинного социального содержания, не предвидела его масштабов, не оценивала реально его ближайшие и более отдаленные последствия².

Стоит ли удивляться, что февральский взрыв стал для учителей громом с "не ясного неба"³. Современник писал: "Всеобъемлющий переворот захватил Россию,— говоря словами поэта,— "неготовой к великой борьбе". А эта неподготовленность объясняется более всего тем обстоятельством, что государство старого режима оставило новой свободной России 100 миллионов неграмотных людей, которым так трудно разобратся в событиях переживаемого революционного момента и еще труднее распознать, кто их истинные друзья и вожди и кто предатели и враги народной свободы и демократии"⁴.

Меткую характеристику Б. И. Сыромятникова вполне можно отнести и к самим учителям: большинство из них встретили революцию не распознав ее. День 23 февраля 1917 г. вряд ли ассоциировал для них нечто примечательное, историческое. Даже в эпицентре событий, Петрограде, в учительской среде считали, что более драматичными, массовыми были события октября 1916 г. и даже января 1917 г.

Петроградскому учителю П. Н. Васильеву (Борисову) запомнились уличные сборища и шествия, лозунги с политическим напором, казаки и жандармы. Для настроений его коллег были

² Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 48.

³ Педагогический журнал для учащихся народных школ Полтавской губернии. 1917. № 2-3. С. 5.

⁴ Сыромятников Б. И. Великий исторический переворот и наш гражданский долг. М., 1917. С. 34.

характерны "изумление, радость, тревога, испуг, напряжение, порывы, стихийность"⁵. Преобладало же простое человеческое любопытство.

Именно оно заставляло оставив все дела влиться в рабочую колонну и пройти с окраины в центр города, чтобы там наблюдать за "понеобычному людной и оживленной толпой"⁶. Или, пренебрегая естественными в такое бурное время страхами, выйти в заснеженный двор вместе с соседями и там вслушиваться в отдаленные крики, звуки музыки и выстрелов, следить за непонятными действиями подвыпивших солдат и мужиков.

Включение российского учительства в общественно-политическую жизнь страны в 1917 г. проходило весьма неоднозначно. Поначалу — робкие попытки осознать происшедшее, выразить отношение к факту крушения самодержавия, созданию новых органов государственной власти и управления. И в то же время — желание подчеркнуть сопричастность "интеллигентного пролетариата", так в те дни стали называть себя учителя, к тому, что свершилось и еще свершится.

Журнал "Для народного учителя", одно из самых массовых педагогических изданий тех дней, в одной из своих редакционных статей подчеркивал факт активного участия российского учительства в подготовке и осуществлении революции: "В учительских организациях, обществах, союзах, на съездах, на уроках истории и объяснительного чтения наиболее сознательное и прогрессивное учительство неустанно и добросовестно производило критику старого самодержавного строя, противопоставляло ему идеи свободы, равенства и братства и европейский парламентарный режим и, таким образом, революционизировало молодые поколения, пробуждало в них новые политические идеалы и стремления"⁷.

Указывая на политико-просветительную работу, проводимую учителями в предшествующие революции годы в обыденной жизни, автор статьи "Великая русская революция и организация учительства" Н. Ильин писал: "То, что произошло —

⁵Русская школа. 1917. N 1. С. 30.

⁶Синакевич О. В. Жили-были. // ОР РНБ, ф. 163, д. 357, с. 39.

⁷Для народного учителя. 1917. N 4. С. 2.

есть в значительной степени плод неустанной работы русского учителя"⁸. Другой представитель педагогического сообщества Б. И. Сыромятников по этому же поводу заметил: "Когда вспыхнула революция, она с редким единодушием объединила все слои общества, буржуазию и демократию, бюрократию и широкие общественные круги, объединила всю Россию без различия классов, сословий, национальностей"⁹.

Думается, высказанные названными авторами мысли не следует отбрасывать как вздорные и не подтвержденные исторической практикой. Они были глубоко убеждены, что вторая российская революция действительно была делом всех классов и групп, имевшихся в стране. Именно в силу этого единения революция была как бы обречена на успех. П. Н. Милюков писал по этому поводу в начале 1917 г.: "Бюрократия уходила в сторону реакции, общественность в сторону революции. Правительствo тяготело к отжившим охранительным мероприятиям; либеральная оппозиция к боевым настроениям своих крайне левых соседей. Та и другая сторона не умели, не хотели, а может быть роковым образом были лишены возможности сойтись, сплотиться для совместной работы"¹⁰.

Начиная с 25 февраля обычным явлением стали перерывы в занятиях начальных школ и гимназий, коммерческих и реальных училищ, других учебных заведений. Но происходило это пока вовсе не потому, что педагогические коллективы дружными рядами вышли на улицы городов и сел. Они, все еще, оставались наблюдателями со стороны, глубоко убежденными, что в любой ситуации школа должна оставаться вне политики.

После образования Временного правительства и формирования Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов учителя стали предпринимать пока еще робкие попытки найти свое место в обновляющемся обществе. "Забудем старое и постараемся скорей его ликвидировать,— обращались педаго-

⁸ Там же.

⁹ Сыромятников Б. И. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ ГАРФ, ф. 579, оп. 1, д. 3224, л. 8.

ги к своим коллегам.— Будем смотреть вперед и будем делать свое великое дело"¹¹.

Организатором своеобразной учительской политической перестройки выступило руководство Всероссийского педагогического общества. Один из его лидеров С. А. Золотарев писал в статье "Текущий момент и его задачи": "Наш общий гражданский долг состоит в том, чтобы приняв этот временный, до учредительного собрания, революционно созданный порядок, поддерживать его, выявлять в нем все творческие его силы и возможности. Роль учительства в укреплении и оздоровлении корней революции — громадная"¹².

Еще один взгляд на ближайшую перспективу: "Нам, педагогам, предстоит обсудить многочисленные и сложные вопросы нового устройства средней школы, как общего типа, так в частности и военноучебных заведений. Нужно ли доказывать, что от того или иного строя школы, от того, какие гражданские идеалы школа будет закладывать в души своих питомцев, наконец, от ценности и объема тех знаний, которые будут сообщаться школою, зависит все будущее нашей многострадальной родины"¹³.

В марте-апреле 1917 г. подавляющее большинство учителей в той или иной степени активно включилось в общественно-политическую жизнь. Одни заявили о своем стремлении помочь населению разобраться в потоке переживаемых событий. Другие — разоблачали приверженцев старого строя. Третьи призвали коллег "сомкнутым строем немедля активно выступить в деревнях на помощь крестьянству и в городах — рабочему классу"¹⁴.

Вдали от Петрограда и Москвы было замечено, что "едва ли найдется в России хоть один человек, который остался бы равнодушным к переживаемому моменту. Едва ли найдется хоть одна профессия, которой бы не коснулась политическая сторона. Всех втянула жизнь в политику. Не представляло исключение и учительство. Если раньше было течение от-

¹¹ Педагогический журнал. 1917. N 2-3. С. 5.

¹² Известия Всероссийского педагогического общества. 1917. N 5. С. 3.

¹³ Педагогический сборник. 1917. N 2. С. IV.

¹⁴ См.: Педагогический журнал. 1917. N 2-3. С. 36.

городить учителя от политики, то теперь, наоборот, прямо и определенно жизнь зовет учителя, требует от него широкого участия в политике"¹⁵.

Дальнейшее включение учительства в общественно-политическую жизнь страны едва ли напоминало лихорадочные поиски надежных союзников и оголтелых противников. Сказывался дух аполитизма, насажденный в эту среду российской интеллигенции царским правительством в предшествующие годы. Боязнь открыто примкнуть к оппозиции кадетов или меньшевиков, большевиков или эсеров была отчасти спровоцирована и руководством Всероссийского педагогического общества. Помня уроки первой российской революции и, в частности, завершившуюся практически полным разгромом деятельность Союза учителей в 1906-1907 гг., признанные в среде педагогов авторитеты настойчиво рекомендовали своим коллегам быть предельно осторожными, соблюдать спокойствие и порядок. Каких-либо циркуляров по старинке ожидали "сверху".

Первые нормативные документы, изданные руководством министерства народного просвещения, вселяли определенный оптимизм. Уже 10 марта попечители всех учебных округов получили министерскую телеграмму, предлагавшую впредь беспрепятственно принимать в учебные заведения бывших учащихся, понесших наказание по политическим и религиозным делам. Школьная администрация к тому же лишалась прав требовать от любого ученика сведений о политической благонадежности, как противоречащих идеалам революции¹⁶.

Еще более радикальными были действия министерства народного просвещения, направленные на политическую реабилитацию инакомыслящих преподавателей. Ссылаясь на закон о всеобщей амнистии по делам политического характера, школьной администрации предписывалось впредь беспрепятственно допускать к преподавательской работе учителей учебных заведений всех типов ведомства МНП, "устраненных от школы при прежнем режиме за политическую деятельность"¹⁷. Тем самым были сделаны первые шаги на пути демократизации школы.

¹⁵Учительский вестник (Оренбург). 1917. N 3-4. С. 15.

¹⁶Педагогический журнал. 1917. N 2-3. С. 3.

¹⁷Там же. С. 4.

Начальный этап второй российской революции, как известно, характеризовался созданием всевозможных организаций и обществ. В невиданно короткие сроки находили друг друга и объединялись кустари-одиночки и извозчики-ломовики, парикмахеры и буфетчики, люди свободных профессий, многие другие. Учительями также отчетливо осознавалась необходимость действовать и думать сообща, невозможность сидеть в одиночестве и ждать. Прежде всего было решено определиться в отношении двух властей: Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Если первое признавалось почти безоговорочно, то взаимоотношения с Советом складывались непросто. На заседании правления Всероссийского педагогического общества 3 марта мнения участников разделились. Кто-то считал, что профессиональной организации негоже посылать кого бы то ни было в организацию политического характера, ибо это было равносильно отказу от провозглашенного в Уставе ВПО принципа аполитичности. Были среди 250 собравшихся и решительные сторонники представительства Общества в Совете для координации действий, направленных на улучшение дела народного образования в стране. После долгих споров приняли компромиссное решение: делегата в Совет избрать, но представлять он будет учительство вообще, а не ВПО¹⁸.

На следующий день в зале реального училища Черняева состоялся общегородской петроградский учительский митинг. Среди 300 собравшихся было немало людей случайных, что называется "с улицы". И здесь предложенный к обсуждению вопрос о делегировании в Совет рабочих и солдатских депутатов вызвал ожесточенные споры. Часть собравшихся заявляла, что педагоги не должны вмешиваться в жизнь Советов, которые являлись профессиональной рабочей организацией. Другие предлагали направить в Совет своих представителей хотя бы для того, чтобы не дать в обиду Временное правительство от возможных посягательств. Третьи заявляли, что стоящее у власти правительство — буржуазное, умеренно-радикальное, готовое в любой момент сойти с намеченного революционного

¹⁸Русская школа. 1917. N 1. С. 30.

пути и лишь наличие Совета, который держит это правительство за горло, позволяет обществу продвигаться вперед.

Мнения разделились. Лишь после утомительной многочасовой дискуссии удалось принять резолюцию о делегировании своих представителей в Совет при условии, что Всероссийское педагогическое общество будет незамедлительно преобразовано в Учительский союз и этот последний подтвердит легитимность данного решения¹⁹.

Подобные митинги и собрания учителей прокатились в марте-апреле по всей стране. На них впервые проявилась активная жизненная позиция педагогов, их стремление найти собственное место в происходящем. Учителя открыто симпатизировали тем, кого еще вчера привычнее было именовать не иначе, как "быдлом". И речь шла не о простой симпатии, а о совместной работе с рабочими и солдатами во имя революции. Советы открыто признавались силой, наиболее полно защищающей интересы демократии. Подобный настрой сохранялся и во все последующие месяцы, вплоть до октября.

Процесс формирования общественно-политического сознания российского учительства в период от февраля к октябрю несомненно направлялся определенными политическими силами. Часть исследователей склонна считать бесспорными лидерами педагогов кадетов, часть — меньшевиков и эсеров²⁰. Думается, истина находится в ином. Верные букве и духу Уставов Всероссийского педагогического общества, а с апреля 1917 г. и Всероссийского учительского союза учителя придерживались тактики аполитичности. Они ратовали за полное сотрудничество с правительством, где тон задавали кадеты, Советами, где преобладали меньшевики и эсеры, с общественными организациями, политическая окраска которых была еще более пестрой. Лишь влияние партии большевиков можно считать минимальным, что, как представляется, объяснялось активной работой этой партии в рабоче-крестьянских массах и самоустранением в работе с интеллигенцией.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ См.: *Блонский П.* Мои воспоминания. М., 1971. С. 135; Советская педагогика. 1952. N 2. С. 58.

Думается, настала пора отказаться от традиционных представлений о педагогах, как одной из сил, ставивших препоны на пути развития революции и демократии в стране, контрреволюционерах, беспрекословно выполняющих волю неких прокадетских реководителей. Именно так до недавних пор характеризовались Всероссийский учительских союз и Государственный комитет по народному образованию. Источники свидетельствуют, что в революционных буднях учителя были нацелены не на пассивное ожидание, а на активные действия, на радикальные изменения своего положения в обществе, преобразования в системе народного образования.

Учителя были убеждены, что их священным долгом является участие в работе созданных в ходе революции общественных организаций, органов городского и земского самоуправления. Поступающие в Петроград сообщения с мест рассказывали об упразднении старых органов управления народным образованием и создании выборных школьных комитетов, руководивших делом народного просвещения. Не дожидаясь формального разрешения наболевших вопросов сверху, министерством народного просвещения, педагоги решительно занялись переустройством сложного просвещенческого хозяйства²¹. Иными словами, процесс революционного правотворчества захватил один из крупнейших отрядов российской интеллигенции.

Анализируя материалы всероссийских учительских съездов, деятельность Государственного комитета по народному образованию можно выделить следующие направления правотворческой деятельности педагогов: осуществление принципов самоуправления и самоопределения школ всех национальностей на всех ступенях образования и широким проведением выборного начала; свобода преподавания; уничтожение ограничений и привилегий в области образования, связанных с полом, национальностью, вероисповеданием и сословностью; преподавание на родном языке; всеобщее обязательное начальное обучение и постепенный переход к обязательному среднему образованию; единство и преемственность школ всех ступеней; бес-

²¹См.: Народный учитель. 1917. N 11-12. С. 14-16; Известия Всероссийского учительского союза. 1917. N 7. С. 2-3.

платное образование на всех ступенях и обеспечение действительной общедоступности обучения; свобода частной инициативы в деле образования; и т. д.

К осени 1917 г. каждое из этих направлений было подтверждено соответствующими законопроектами, разработанными Государственным комитетом по народному образованию. По существу, речь действительно шла о создании новой, демократической в тогдашнем понимании школы.

Радикализм выдвигаемых требований и разрабатываемых программ несомненно реально отражал настроения подавляющего большинства учителей. Конечно, это был буржуазно-демократический радикализм, но другого существовать в те дни просто не могло. Кстати, сами педагоги признавали вышеперечисленные требования своеобразной программой-максимумом, рассчитанной на довольно длительную перспективу. Однако осуществление того, что считалось программой-минимумом, планировалось начать уже в новом 1917/1918 учебном году. Суть первоначальных мероприятий была сформулирована еще в начале апреля на московском учительском съезде и включала в себя объединение в МНП школ всех типов и ведомств; привлечение к работе по реформе школы общественных организаций; создание внутри МНП коллегии из представителей учителей и общественных организаций; уравнение в правовом, учебном и материальном отношении казенных, частных, мужских и женских школ; передачу всех школьных проектов МНП на предварительное обсуждение учительских и общественных организаций; реформирование учительских семинарий, институтов, учительских школ на началах автономности и расширения общеобразовательных и специальных педагогических программ; ряд других мероприятия.

Профессиональная направленность была наиболее характерной чертой общественно-политической деятельности российского учительства в дооктябрьский революционный период. Лишь незначительная часть педагогов приняла участие в уличных событиях апреля, июня и июля 1917 г. Довольно пассивно наблюдали учителя за сменами правительств, кор-

²² Известия ВУС. 1917. N 7. С. 17.

ниловскими приготовлениями, партийными баталиями. Это, впрочем, не мешало преподавательскому корпусу России выступать за продолжение войны, ратовать за скорейший созыв Учредительного собрания, выезжать на места с лекциями и беседами о текущем моменте. Однако, их истинным credo было реальное профессиональное дело. И когда к власти пришли большевики, учительство впервые взбунтовалось.

Бунт этот во многом был связан с нежеланием учительских коллективов санкционировать действия Совнаркома, Наркомпроса и Государственной комиссии по народному просвещению, направленные на полное разрушение старой школы. В определенной степени причину учительского негативизма по отношению к новой власти выявляет воззвание Совета ВУС, опубликованное в начале ноября 1917 г. в периодической печати. В чрезвычайно ответственный период подготовки к выборам в Учредительное собрание, — указывалось в нем, — партия большевиков в своем недоверии к разуму народа и преступном посягательстве на святыню Учредительного собрания предпочла основать свою власть "не на чистых бюллетенях свободных граждан, а на штыках, обогренных братской кровью"²³.

Интересны наблюдения одного из организаторов московского союза работников просвещения Г. Деева-Хомяковского. В своих воспоминаниях он подчеркивал, что абсолютное большинство учебных заведений города в октябрьские дни "стали в явно враждебное отношение к Советской власти"²⁴. Причина — насильственный характер действий большевиков, опасение ликвидации всего того, что уже было сделано в области просвещения. Аналогичны оценки учителей Барнаула и Екатеринбурга, Туркестана и Сибири, других регионов страны²⁵.

Наконец, необходимо признать, что выделение негативной роли в общественно-политическом движении России 1917 г. учительских масс и организаций стала данью традиции, корнями уходящей именно к первым месяцам существования государства рабочих и крестьян. Сама новая власть, без особых на то оснований, обвинила педагогов, их центральные орга-

²³Русская школа. 1917. N 9-12. С. 30.

²⁴ГАРФ, ф. 6862, оп. 1, д. 84, л. 95-96.

²⁵Там же, д. 104, л.3; д. 89, л.7; д. 80, л.96; д. 138, л. 14; и др.

низаций ВУС и ГКНО в развязывании клеветы на большевиков, антисоветизме, попытках организации саботажа в области просвещения. Во многом эти обвинения не состоятельны. Большая часть учебных заведений России ни в ноябре, ни в декабре 1917 г. не прервала учебный процесс, а угроза всеобщей учительской забастовки, о которой так много писалось в тогдашней периодической печати должна быть признана необоснованной уже хотя бы в силу того, что "бастовать" педагоги собирались накануне и в период рождественских каникул²⁶.

Забастовки учителей прокатились практически по всей территории России. Но, как свидетельствуют источники, в основе их лежали скорее факторы не политические, а экономические. Не случайно принятие незамедлительных мер, направленных на улучшение материального положения педагогов, позволило советскому правительству уже в январе 1918 г. вывести из саботажа до двух третей начальных школ²⁷.

События декабря 1917 г.— января 1918 г., и прежде всего роспуск Учредительного собрания, диктовали необходимость пересмотра тактики участия учительства в общественно-политическом движении. Становилась очевидной целесообразность налаживания контактов с новой властью прежде всего по вопросам, не терпящим отлагательств. В принятой Малым Советом ВУС 7 февраля 1918 г. резолюции отмечалось: "по-прежнему относясь в высшей степени отрицательно к установившейся власти, которая систематически губит по всей России школьное дело, попирает всюду права учительства и школ, разрушает органы местного самоуправления, Малый Совет считает нужным для всех организаций ВУС сохранить позицию бойкота к Советской власти, допуская, однако, возможность сношений с ней по вопросам защиты учительского труда. У педагогических советов отдельных школ может возникнуть потребность в сношениях с органами Советской власти по вопросам школьной жизни и Малый Совет надеется, что ре-

²⁶ См.: На фронте коммунистического воспитания. 1932. № 10-11. С. 14; Вопросы истории КПСС и философии. Свердловск, 1960. С. 20, 23; ГАРФ, ф. 6862, оп. 1, д. 104, л. 3; Там же, д. 131, л. 36; Там же, д. 131, лл. 24-26; и др.

²⁷ ГАРФ, ф. 6862, оп. 1, д. 89, л. 7; д. 136, лл. 27-28.

шаться эти вопросы будут без боязни войти в конфликт, даже резкий, с Советской властью"²⁸. Отныне признавалось допустимым представительство учителей в местных Советах при условии продолжения борьбы с "идеей" Советской власти, а также борьбы за демократическую, автономную и свободную школу. Уже это открывало широкие возможности для диалога с целью окончательного примирения с новым правительством. Но в те дни ни Наркомпрос, ни какой-либо иной правительственный орган не соизволил сесть за стол переговоров. Противостояние все еще продолжалось.

Итак, в революционные дни 1917 г. российское учительство не стало той инертной массой, которой безразличны были судьбы Отечества. Активно включившись в общественно-политическую жизнь страны, оно пережило много испытаний. Не всегда действия крупнейшего отряда российской интеллигенции можно оправдать, но понять и оценить их стоит со всей объективностью.

²⁸ЦГАЛИ, ф. 131, оп. 3, д. 456, л. 14.